

ДИПЛОМАТИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА XVII-XVIII ВВ.

Внешнеполитическая деятельность Калмыцкого ханства на протяжении XVII - XVIII вв. была разнообразна по форме, направлениям, активности и зависела как от экономического и политического положения самого ханства, так и от ситуации в России, ее международного положения. Несмотря на определенную адаптацию общеойратских принципов внешней политики к новым условиям, тем не менее, тактические приемы и методы калмыцкой дипломатии в своей основе оставались неизменными. Одним из важных факторов этого стало широкое распространение буддизма у калмыков.

Можно также утверждать, что основными направлениями внешнеполитической деятельности Калмыцкого ханства были российское, джунгарское, тибетское и китайское и, безусловно, важное значение имели разнообразные контакты с соседними народами и государствами Черноморско-Каспийского региона.

Отдавая должное европейским истокам классической геополитики, необходимо признать независимо возникшие у калмыков теоретические и практические геополитические взгляды. Так как геополитическое видение мира является продуктом национальной истории и культуры, то именно в период формирования Калмыцкого ханства шел активный поиск обоснований для легитимизации суверенности калмыцкого государства как самостоятельного геополитического субъекта. Этот поиск - своеобразное подтверждение положения, выдвинутого известным американским политологом Генри А. Киссенджером о том, что «нации формируются их историей, географией и их культурным наследием. Если нация что-то сделала за 400 лет, это указывает на определенную тенденцию; это значит, что в течение 400 лет

ее поведение представлялось разумным для последующих поколений лидеров этой страны»¹. В этом отношении показательно геополитическое обоснование притязаний калмыков на сибирские и поволжские земли. Так, утверждая свое право кочевать на этих территориях, калмыцкие тайши заявляли, что это «искони природные их калмыцкие места прадеда их Чингис-хана»². Во время переговоров с сибирскими представителями русского правительства владельцы торгутских и дербетских княжеств стремились завязать свой переговорный статус, ссылаясь на то, что «их тайши - дети Чингис-хана» и предлагали русским дать им аманатов³.

Своеобразным трактатом теоретической геополитики калмыков является героический эпос «Джангар». Уровень историчности этого народного произведения «определяется тем, что образ эпической Бумбайской державы, локализуемой в отрогах Алтая, отражает эпоху государственной консолидации четырех ойратов, возникновения Джунгарского и Калмыцкого ханств (XVII - XVIII вв.), заселения ойрат - калмыками Нижней Волги и юга России (топонимы Шарту-Волга, Минг-Эльбрус и т. д., имена антагонистов Бумбы - Тюрк-хан; Монхула, внук Дуутхулы-Токтула; Бурза-бек, сын Кэрмэ-Кермена и др.) и схваток с тюркоязычными противниками в войнах XVII - XVIII вв.»⁴

Основным сюжетом эпоса является борьба Джангара и его богатырей с врагами Бумбайской державы. При этом особое место в нем занимает концепция государя-самодержца, то есть хана, властвующего самостоятельно, единодержавно над всей подвластной ему державой. Джангар характеризуется «властелином Востока всего», который «властно расширив свои рубежи» «ханом семидержавным он стал, зваться великим и славным он стал» и поэтому «держава была нерушима его». Для богатырей характерно стремление вести активную геополитическую экспансию. Они регулярно вопрошают: «Ужели сражений

¹ Kissinger Henry A. Russian and American Interests after the Cold War // Rethinking Russias National Interests. Washington, 1994. P.2.

² Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. №5. С.74.

³ Там же. С.73.

⁴ Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар» Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд-е 3, репринтное М., 1997. С 205.

для славы нет? /Сайгаков - и тех для облавы нет? /Ужели для боя державы нет? /Ужели врага для расправы нет?».

Важное значение для понимания геополитических взглядов калмыков (хотя бы в изначальном варианте несистематизированного самопознания) имеют калмыцкие историко-литературные памятники, в которых заключается «...историческая память нации, народа, его мировосприятие, мировоззрение, миропонимание, духовность и его самобытный менталитет»¹. Так, в своем историческом сочинении «Сказание об ойратах» Габан Шараб, в смутное для Калмыцкого ханства время на исторических примерах показывает всю пагубность междуусобиц призывает прекратить всякого рода раздоры и все усилия направить на укрепление государства и сохранение его суверенитета. Его произведение обозначало и векторы геополитической экспансии, актуальные для Калмыцкого ханства стратегические направления внешней политики - Сибирь, Хива, Джунгария, Персия, Тибет и Китай². В сочинении «Лунный свет - история рабджамба Зая-пандиты» красной нитью проходит идея о том, что деятельность Зая-пандиты была направлена не просто на расширение ламаизма среди ойратов, но на их объединение через общеойратскую идеологию.

Формированию калмыцкого этноса, укреплению феодально-государственного строя, складыванию Калмыцкого ханства содействовало распространение ламаизма у калмыков. Помимо того, что буддизм являлся важной основой, формирующей идеологию, философию, культуру и образ жизни народа, он приводил в первой половине XVIII в. к усилению связей Калмыцкого ханства с «идеологическим патроном» - Тибетом. Для калмыцкого буддизма - это время наибольшей подверженности внешним влияниям, самых тесных контактов с остальным буддийским миром³. Безусловно, теоретические основы ведения межгосударственных дел в феодальной Калмыкии формировались под влиянием буддийского учения. Определенное воздействие на развитие калмыц-

¹ Бадмаев А.В. Ойрат-калмыцкое ясное письмо и его памятники // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: Пер с калм. / Сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А.В.Бадмаева. Элиста, 2003. С.12.

² Там же. С.89-90, 92.

³ Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1994. С.18.

кой государственности, а, следовательно, и на дипломатию в том числе, оказала одна из концепций власти, разработанная в буддизме. Уже в средневековой Монголии сформировалась концепция «двух принципов государственной власти» - духовной и светской, которую осуществляли два правителя: один руководил сангхой, другой - государством; оба они не имели права вмешиваться в дела друг друга, но должны были оказывать друг другу посильную помощь. Этот принцип впервые был сформулирован совместно императором Хубилаем и представителем школы сакьяпа Пагма-ламой¹.

Практика буддийского учения оснастила и практическую деятельность ойратских дипломатов. Искусство ведения переговоров, система аргументирования посланником тех или иных позиций основывались на детально разработанной в буддизме теории ведения диспутов, то есть методах объяснения, раскрытия содержания и доказательств тех или иных тезисов. Необходимо иметь ввиду, что не только статусу посланника, но и его личностным качествам придавалось исключительное значение. Безусловно, это был образованный человек, но важны были и другие качества характера. Отправляясь с посольскими поручениями, калмыцкие дипломаты не имели оперативной связи с пославшим его правителем, миссии, как правило, продолжались длительное время и, к тому же, они практически не пользовались правом личной неприкосновенности. В этих условиях от посланников требовались незаурядные способности для успешного осуществления поставленной перед ними задачи. Наиболее подготовленными для выполнения посольской миссии были буддийские священнослужители. Поэтому ламы не только возглавляли дипломатическую службу правителя, являлись его советниками, но и выполняли наиболее важные посольские поручения. В этом отношении характерно, что успеху экспедиции Ивана Петлина в Пекин способствовало сопровождение опытных дипломатов - буддийских лам Биликгу и Тархана. Это обеспечило безопасность проезда русским до китайских пределов. Одновременно ламы были и проводниками в пути, и помощниками в сборе сведений, и спутниками, сведущими в монгольском и китайском посольском церемониале. Монгольский язык

¹ Буддизм. М., 1992. С.151-152.

служил русским средством общения не только в Монголии, но и в Китае¹.

Дипломатии Калмыцкого ханства были присущи все черты внешнеполитической деятельности кочевого государства. Ведение дипломатических дел являлось прерогативой главы государства, в международных связях того периода продолжал господствовать исключительно личностный фактор и смена государя часто приводила к изменению внешней политики. Естественно, что огромное значение в том, какую роль реально играет то или иное государство в мировой политике имеет конкретный государственный лидер.

Одним из ярчайших в калмыцкой истории примеров деятельности лидера по превращению Калмыцкого ханства в державу, играющую не последнюю роль в международных отношениях конца XVII в. - первой четверти XVIII в., является деятельность Аюки-хана, который «в продолжение 54 лет твердо правил приволжскими ойратами, или калмыками, и распростер свое влияние на все соседние турецкие племена, так что имя его стало славно и в Турции, в Крыму, в Средней Азии, в Китае и Тибете»². Вследствие этого, авторитет посланников Калмыцкого ханства был весьма высок. В этом отношении показательна известная история конфликта Дмитрия Петричуса, бывшего толмача посольства А. П. Волынского, отправленного в Персию в июне 1719 г. с грамотами Петра I и канцлера Г. И. Головина к персидскому шаху и посланца Аюки-хана, когда курьер русского правительства удерживал калмыцкого дипломата³.

Захват ханского посланника Дмитрием Петричусом был крайне негативно воспринят не только Флорио Беневени, но и бухарским послом, французским консулом, официальными шамхальскими лицами и купцами. Более того, Флорио Беневени, как и принимающая сторона, предостерегал, что этот конфликт «Аюка-хан, яко верный поданный нашему монарху, примет себе за противно, ибо афронт ученен ему, а не посланнику его, и по-

¹ Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII в. Изд-е 2, доп. Хабаровск, 1987. С. 71.

² Лунный свет. С. 443.

³ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. М., 1986. С. 43-45.

неже он толико безделец здесь при очах ханских и других министров шаховых в повороте своем от двора его поделал, что сей хан не токмо учинил ему какой великий афронт, но еще даст о том знать шаху, который потом и по готову истинные причины будет иметь приносить жалобы об наших поступках»¹.

Об авторитете дипломатии Калмыцкого ханства говорит и тот факт, что османское правительство рассматривало калмыков Аюки-хана как самостоятельную политическую силу. В грамоте российскому государю, датированной апрелем 1716 г., османским великим визирем было заявлено: «... Аюка-хан из того племени, которое, не будучи ни в чьем подданстве, самостоятельно сносится послами... Ныне, с целью заключения мира с татарскими племенами, к его превосходительству калгай-султану (первый престолонаследник в Крымском ханстве) прибыл посланник, самостоятельно направленный Аюка-ханом. Об этом и о том, что сегодня между ними ведутся переговоры о мире Державным Вратам (то есть султану) доложено вышеуказанным ханом».

Основопологающим принципом калмыцкой дипломатии была неотделимость политики от экономики. Внешняя политика Калмыцкого ханства как кочевого государства, была постоянно ориентированна на обеспечение территорий для кочевий и товарного обмена с оседлыми соседями. Нет ни малейшего сомнения, что калмыцкие правители занимались так называемой «посольской торговлей», поскольку за привезенные дары полагались ответные, нередко превышающие по стоимости полученные². Г.С. Лыткин в своей работе «Аюки-хан калмыцкий» писал, что калмыки «изъявляя свое подданство Богдо-хану и поднося ему скудную дань, получали большие подарки»³. Так в письме Аюке-хану китайский император писал: «...ты справляешься о моем здоровье, платишь подать, сделал своего близкого слугу Самтана послом и отправил ко мне - все это заслуживает моего одобрения. Поэтому, выражая свое благословение, я на-

¹ Там же. С.44.

² Беспрозванных Е.Л. Ранние калмыцко-китайские отношения (первая четверть XVIII в.) // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII-XX вв. Волгоград, 1999. С.83.

³ Лунный свет. С.443.

граждаю тебя мешочком позолоченного серебра весом в 50 лан, мешочком серебра весом в 50 лан, лампадкой, седлом, 30 штука-ми шелка, 200 штуками ситца, 4 упаковками чая»¹. Более того, привоз условной «дани» позволял «данникам» осуществлять периодические приезды на средства китайского двора в столицу Китая, вести здесь торговлю, получать от китайского импера-тора обязательное «отдаривание», жить здесь на щедром содер-жании в течение нескольких месяцев и, помимо того, получать щедрые подарки. «Данники» имели также право вести меновую торговлю на пограничных пунктах империи².

Так, в Персии «охотно покупали дорогой ценой» калмыц-ких лошадей и верблюдов в значительных количествах. Намест-ник ханства Дондук Даши, требуя от русского правительства отменить запрет на экспорт лошадей, писал: «запрещать кал-мыкам торговать скотом в Персию нельзя, ибо получая цену втрое и вчетверо, они могут себя пользоваться и скота размно-жить»³. Более того, калмыки покупали в Крыму верблюдов для продажи в Оренбурге «будучи оные там весьма дороги»⁴. Поми-мо Крыма, Кубани, Персии довольно оживленный торг вели кал-мыки с Бухарой, выменивая там на скот однорядки и другие виды одежды, а также шатры. Бухарские купцы часто посещали кал-мыцкие улусы и нередко выступали посредниками во внешнетор-говой деятельности Калмыцкого ханства⁵. Необходимо иметь ввиду, что широкое использование бухарцев в качестве купцов и дипломатов (что зачастую было неразделимо) объяснялось нали-чием бухарских диаспор в различных странах, их опытом в по-среднической деятельности, знанием иностранных языков.

Существенным этапом деятельности калмыцкой дипломатии являлся переговорный процесс и оформление достигнутого ус-пеха. При всем литературном преувеличении, нельзя не признать определенной доли правды в утверждении Н. Я. Бичурина (Иакинфа) о том, что «ойраты без кровопролития приобрели господство над обширными странами в Азии от Алтая на Запад

¹ Источники по истории ойратов. Урумчи, 1992. С. 456.

² Внешняя политика России (Историография). М., 1988. С. 193.

³ АВПРИ. Ф 119. Оп. 119/1. 1744 Д.35. Л.5 об.

⁴ Там же. 1752. Д.18. Лл. 8-8 об.

⁵ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 93.

до Каспийского моря, на Юг до пределов Индии»¹. Ярким примером переговоров как важнейшего средства осуществления внешнеполитических целей и улаживания межгосударственных дел в сложнейших условиях мировой политики являются переговоры Аюки-хана с первым китайским посольством 1714 года. Как это не звучит парадоксально, но калмыцкий правитель эффективно применил постулаты математической теории игр, впервые сформулированной во второй половине XX века, которая имеет целью выявление наиболее рациональной линии поведения в различных ситуациях, в том числе и в международных отношениях.

Согласно этой теории, все игры делятся на два типа: а) игры с нулевой суммой, в которых выигрыш одного участника точно равен проигрышу другого, и поэтому сумма выигрышей равна нулю; б) игры с ненулевой суммой, в которых никто не выигрывает и не проигрывает, причем игроки больше выигрывают и меньше проигрывают, если они сотрудничают друг с другом².

Наиболее выгодный для себя результат участник игры получает в зависимости от того, насколько ему удастся распознать стратегию другой стороны и с учетом этого наметить оптимальный вариант своей стратегии. Это и продемонстрировал Аюка-хан еще до начала переговоров - вся подготовка к встрече китайского посольства говорит о том, что он уже знал позиции как России, так и Китая, учитывая джунгарский фактор. Аюка-хан выбрал такую форму переговоров, которая представляла собой игру с ненулевой суммой. Аюка-хан, умело используя противоречия среди своих более мощных партнеров, добился на переговорах того, что, несмотря на всю сложность отношений в треугольнике Россия - Китай - Джунгария, Калмыцкое ханство осталось важным элементом в системе международных отношений в Центральной Азии, сохранив для себя свободу двухсторонних связей.

Достигнутые соглашения оформлялись договорами и клятвами, которым предавалось серьезное значение³. Договоры ис-

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С.44.

² См.: Ковалев А.н. Азбука дипломатии. М., 1988. С.236-238.

³ См. подробнее: Митиров А. Г. Договоры, присяги и баранта//Обычаи и обряды монгольских народов. М., 1989. С. 61-68.

пользовались, в первую очередь, для фиксирования уступок и привилегий, что позволяло использовать письменный текст в будущих переговорах. Нередко союзнические договоры подкреплялись династическими браками. В Калмыцком ханстве был исключительно развитый дипломатический этикет, свойственный традиционной культуре кочевого народа.

Таким образом, калмыцкая дипломатия XVII-XVIII вв. сочетала в себе достаточно разнородные элементы. Но все они аккумулировались и структурно скреплялись, если во главе ханства находилась сильная и одаренная личность. Дипломатии феодального Калмыцкого ханства были свойственны многие атрибуты, общие для внешнеполитической деятельности государств Азии и Европы.